

дакциях XII и XIII веков, — мы должны признать, что Даниил Заточник стоял во всяком случае не очень высоко на феодальной лестнице.

В „Слове“ Даниила, которое адресовано князю Ярославу Володимировичу, перед нами рисуется яркий образ русского князя, выступающего в качестве феодала, окруженного слугами, вассалами: „Гусли бо страются персты, а тело основается жилами; дуб крепок множеством кореня; тако и град нашъ твоею дръжавою, зане князь щедр отедь есть слугам многим, мнози бо оставляютъ отца и мать, к нему прибегаютъ“.¹ Князь выступает в качестве управителя города, который, подобно тому как гусли настраивает гусли, направляет деятельность горожан. В Барсовском списке на месте слов „тако и град нашъ“ читаем „тако и градницы“, что возможно и было в первоначальном тексте. Градник — гражданин, горожанин. Это слово встречается в древнейших русских памятниках с XI века.² Поэтому нет основания предполагать, что оно появилось в Барсовском списке в виде позднейшей поправки. Позже это слово, видимо, исчезает из русского языка.³ Из числа градников и выходят те „слуги“, которые оставляют отца и мать и переходят на княжескую службу. Это жили, которыми укреплено тело, корни, питающие дуб, т. е. княжескую власть.

Тема о слугах, которых должен привлекать и князь и боярин на свою службу, занимает важное место в Слове Даниила Заточника. В Академическом списке, принятом в печатном издании за основу, вероятно по его относительно большей древности, читаем, что многие „оставляют“ отца и мать, тогда как в других списках находим на этом месте слово „лишаются“. Надо думать, что именно это слово и стояло в первоначальном тексте. На службу к князьям и боярам идут сироты, лишившиеся отца и матери.

Совершенно напрасно видеть в термине „слуга“ общепринятое современное понятие человека, служащего в домашнем хозяйстве. Понятие слуги в качестве феодально-зависимого человека, чаще всего мелкого вассала, хорошо известно по нашим грамотам XII века и более позднего времени. Именно психологию такого зависимого человека и рисует перед нами Слово Даниила Заточника. Слуга находится в зависимости от своего господина: „доброму бо господину служа, дослужитя слободы, а злу господину служа, дослужитя болшей работы“. Поэтому такое значение получает „щедрость“ князя или боярина. Щедрый князь сравнивается с рекою, а щедрый боярин с колодецем со сладкой водой, скупой князь уподобляется реке в каменных берегах, а скупой боярин соленому колодецу.

Нет никакого сомнения, что в такой же среде, вероятно в среде мелких княжеских слуг, зародились памятники, подобные житию Александра Невского, автор которого близко стоял к дружинным кругам и не мог забыть княжеской милости, так же как и предшествующий ему Даниил Заточник. Рядом с этим найдем прямые указания на то, что некоторые известия в летописях были написаны людьми, вышедшими из демократических кругов русского общества. Кому иному могут принадлежать знаменитые слова Новгородской летописи под 1256 годом о боярах, которые хотели творить себе добро, а меньшим зло:

¹ Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932, стр. 19.

² И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 576.

³ Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937. — Слово „градник“ отсутствует в многочисленных памятниках, использованных для материалов.